

Заговоръ крови.

Одинъ есть у насъ въ деревни заговорщикъ, ему годовъ 75, я просидя: обучи меня заговаривотъ, но онъ знаетъ что я насмѣшникъ поэтимъ штукамъ, такъ какъ твоя снаха разрѣзала косою ногу вжиду, тотъ крови не заговорилъ, отъ правили ее въ клинники въ больницу, тамъ ее вылчили, то стыдно тебѣ такіе штуки дѣлать старику. Когда ходять по лѣсу и кукукаетъ кукушка, тогда спрашиваютъ: кукушка, кукушка многоль мнѣ жить; другому очень много на кукукаетъ, то онъ радъ. а которому мало, то онъ идетъ печальный.

Многоуважаемый тружаникъ Василій Ильичъ, это я вамъ пишу неложно по такому случаю мнѣ лгать отбога грѣшно и стыдно, потому что мнѣ отъ роду 57 лѣтъ и былъ старшиной 6 лѣтъ, имею 2 знака темно бронзовую медаль заохрану покойнаго Александра 3-го серебряную медаль за усердную службу, умѣю считать по чухонски и понѣмѣцки, обучился самоучкой грамоти, когда мнѣ было 23 года, умения были дѣти; если описать мнѣ всю жизнь свою отъ рожденія моего, то повѣрте фельитонъ вышелъ бы не дурной. За симъ письмомъ остаюсь живъ и здоровъ преданной квамъ *Прохоръ Кузнецовъ* 1).

Накануне Ивана Купальника.

Есть и тутъ суеверіе между обедней и заутреней берутъ девушкѣ чистыя полотенцы, тоскають его поросѣ, когда дѣлается полоденце макрое, тогда отжимають его въ какое нибудь блюдо и переливають въ бутылку; у кова забодять голова или глаза, то ей мажутъ, будтобы это целительная вода. Есть еще суеверіе-есть сторожилы острыгаютъ ногти также есть и молодые съ рукъ и сногъ гладуть себе въ пазуха. Я спрашивалъ, на что такъ дѣлаете, они говорягъ, что мы на сіонскія горы будемъ лазить. Да гдѣ жъ такія сіонскія горы ты заметишь. вотъ теперь унасъ проходитъ жел. дорога. Кто захворалъ, то это говорятъ, что отъ хохловъ. Я бы вамъ давно написалъ да не разбьремъ вашу руку. Остаюсь преданный вамъ П. К.

Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ.

Въ одномъ изъ выпускныхъ журн. «Живая Старина» за 1897 годъ. было помѣщено нѣсколько былинь, записанныхъ А. Александровымъ отъ жителя с. Рыбнаго (на р. Ангарѣ) Енис. губ. и уѣзда. Въ дополненіе къ нимъ я прилагаю здѣсь былину, записанную мною въ 1893 году отъ Андр. Тит. Анапнина, крестьянина т. Ужурия Ачинск. уѣз., Енис. губ.

Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ!
Не ходи-ко, мое дитятко, на конюшенъ дворъ,
Но имай, мое дитятко, кони добраго,
Ко крыльцу-то не подводи, да не осѣдывай,
Не подтягивай двѣнадцать подиругъ шелковыхъ,
Не ѣзди, мое дитятко, вдоль по улицѣ,
Не подѣзжай, мое дитятко, ко кружалому,—
Къ государеву кабаку:
Для тебя, мое дитятко, зелье налажено,
Въ зелено вино намѣшано..
Не послушался де Здунай родимой матушки;
Пошелъ де Здунай на конюшенъ дворъ,

1) Правописание подлинника сохранено вполнѣ. Только для удобства чтенія мы поставили знаки препинанія, въ оригиналѣ ихъ не имѣется. Прибавимъ, сл. фельбетонъ такъ уже обнаружилось, что уже является крестьяне съ прозвищемъ съ фамилією Фельбетонъ. Прозвище дано вѣрно сосѣдами за частое имъ щеголянье этимъ словомъ. *Ред.*

Имать *) себѣ коня добраго,
 Онъ сѣдло-то одѣвалъ, самъ осѣдливаль,
 Онъ подтягиваль двѣнадцать подиругъ шелковыхъ
 Не для красы *), а для богатырской сѣдлости,
 Поѣхаль-де Здунай вдоль те улицѣ,
 Приворачиваль де Здунай ко кружалому,—
 Тутъ всѣ товарищи зрадовалися *;
 Они брали Здунай за бѣлы руки,
 Подносятъ ему Гору зелена вина,
 По краямъ этой чарочки огонекъ горить,
 Во середкѣ то змѣи шинить.
 Береть-де Здунай эту пару правой рученькой,
 Тутъ ему матушка на умъ пала, вразумилася.
 Права рученька опустилася
 Зелена вина Чара проливалася **).

Сходный мотивъ встрѣчается въ восточныхъ сказаніяхъ. На Кавказѣ въ кабардинскомъ сказаніи отравленіе (собственно попытка отравить) приурочено къ нарту Иши-Бадиного (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, изд. кавк. горскаго управления, Тифлисъ, 1871, вып. V, отд. II, ст. «Изъ кабардинскихъ сказаній о нартахъ», стр. 59). Нартъ Иши-Бадиного собирается въ богатырскую поѣзду; «осѣдлавъ коня, подтянувъ подпруги, онъ вооружается, садится на коня и выѣзжаетъ». Матери, дающей совѣтъ не пить дорогой вино, въ кабардинскомъ сказаніи нѣтъ. Нартъ встрѣчаетъ пастуха (на перекресткѣ семи дорогъ), потомъ служанку, идущую за водой, потомъ госпожу Сатанэ¹⁾; всѣ они поочередно зыываютъ его захватить въ домъ Элиговыхъ, гдѣ пируютъ нарты²⁾ «съ княземъ—дѣдушкою въ главѣ»; въ подстроичномъ примѣчаніи записавшій сказаніе говоритъ: «Такъ названъ, вѣроятно, проживавшій въ томъ аулѣ старѣйшій нартъ; да да (дѣдушка) называютъ отца или почтеннаго какого-либо старца Иши-Бадиного три раза отвергаетъ приглашеніе, но потомъ сдается и захватываетъ на пиръ; нарты наливаютъ въ чашу вина, опускаютъ въ нее три змѣи и подносятъ ее нарту Иши-Бадиного. Увидѣвъ змѣй на днѣ чаши, Иши-Бадиного выросилъ себѣ стальные усы, прикололъ ими къ дну чаши «змѣй, пронызительно шипѣвшихъ» и выпилъ вино³⁾.

Въ сказкѣ черневыхъ татаръ «Алтынъ-Кокъ», записанной г. Андриановымъ въ мѣстности Чегораль (и напечатанной у Потанина, Очерки с.-з. Монголии, вып. IV, стр. 556—565) богатырь Алтынъ-Кокъ получаетъ свыше совѣтъ жениться на дочери Карагаты-Кана; богатырь беретъ благословеніе отъ родителей, садится на коня и ѣдетъ. Карагаты-Канъ лежитъ въ своей юртѣ и не поворачивается; не повернулся и при входѣ Алтынъ-Кока. «Семь лѣтъ передъ нимъ стояли двѣ сестры имбельдэй (коддуньи) и сватали за своего сына его дочь; онъ (Карагаты-Канъ) неповорачивался; лежитъ какъ гора. При входѣ Алтынъ-Кока одна изъ имбельдэй налила чашку арака (вина) и поднесла ему, а въ чашкѣ плаваешь волосъ; жена Карагаты-Кана, увидѣвъ это, вырвала чашку и выплеснула вино—на томъ мѣстѣ земля прогорѣла насквозь (стр. 559).

*) «Жив. Стар.», вып. I.

**) Слово со звѣздочкой—общеупотребительны у крестьянъ сибиряковъ. Макаренко.

¹⁾ Сказочникъ даетъ женщинѣ Сатанэ прозвище: собесѣдница фасоли, т. е. гадальщица (на бобахъ), а Иши-Бадиного обзываетъ ея вѣдмой и коварной заговорщицей, (буквально: составительницей ядовъ). У горцевъ сѣвернаго Кавказа записаны названія для созвѣздія Орионъ: чурекъ женщины Сати и для Млечнаго пути: солома женщины, Силасатэ. О Сати говорятъ, что это мудрая женщина, о которой часто упоминается въ народныхъ сказаніяхъ, то есть Сати отождествляется самимъ народомъ съ Сатанэ. (Потанинъ. Очерки с.-з. Монголии, вып. IV, стр. 723 и 741). Не се ли же слѣдуетъ разумѣть и подъ именемъ Силасатэ?

²⁾ Народное осетинское повѣрье пиръ нартовъ видитъ въ созвѣздіи Плеяды (см. Очерки с.-з. Монг. IV, 730). На нѣкоторыхъ татарскихъ нарѣчіяхъ Плеяды называются Шлекъ (ibid., 729).

³⁾ Въ книжномъ монгольскомъ сказаніи Есугай, отецъ Чингисъ-хана захватилъ къ пирующимъ людямъ племени Дада, и они отравили его. Ориенталисты отождествляютъ имя Дада съ общезвѣстнымъ именемъ Татары.

Въ русскихъ сказкахъ этотъ мотивъ тоже есть, именно у Афанасьева въ сказкѣ № 119 «Притворная болѣзнь» (Народн. русскія сказки, изд. 1897 г. т. II, стр. 15) и у Верхратскаго въ сказкѣ о Каролѣ (записки наукового товариства имени Шевченка під. ред. Мих. Грушевского, т. XXIX (1899, т. III). Львовъ. Знадоби до пізнання угорсько-руськихъ говорів, подав Іоан. Верхратський, стр. 138 — 145. Въ первой сказкѣ мать Ивана царевича живетъ въ связи съ Огненнымъ царемъ; она хочетъ отравить сына ядовитой лепешкой; Иванъ царевич беретъ поданную лепешку, но одна изъ двухъ его собакъ выхватила ее у него изъ рукъ; онъ беретъ у матери другую лепешку, другая собака вырываетъ ее; третью лепешку онъ откусилъ, съѣлъ кусокъ и тутъ же умеръ. Вислѣдствіи невѣста оживляетъ Ивана царевича. Въ русинской сказкѣ у Верхратскаго странствующій Кароль находитъ въ лѣсу старца отшельника, получаетъ отъ него въ даръ трехъ собакъ: Дуная, Драву и Тису, потомъ попадаетъ въ крѣпость, въ которой живутъ «псьюглавци» Кутя-Татаре; они посадили Кароля за столъ ѣсть, Кароль плеснулъ одну ложку псу, тотъ не сталъ ѣсть и помахалъ головой; Кароль понялъ, что предложеннаго кушанья не слѣдуетъ ѣсть (стр. 140). Собаки эти были не простыя; это были зачарованныя души. Когда Кароль отрубилъ у нихъ головы, изъ нихъ вылетѣли голуби и улетѣли въ небо. Послѣ эпизода съ псоголовцами слѣдуетъ другой: Кароль освобождаетъ царевну отъ чертей, которымъ она была обѣщана по недоразумѣнію.

Сколько мнѣ извѣстно, записей былины о Дунаѣ съ мотивомъ отравленія до сей поры не было и отрывокъ, записанный г. Макаренко въ Сибири, впервые привизываетъ этотъ мотивъ къ имени Дуная. Объ этомъ богатырѣ былъ извѣстенъ только разсказъ, какъ онъ распоролъ животою своей женѣ, вынулъ изъ него младенца съ золотыми конечностями и потомъ убилъ самого себя; изъ раны на тѣлѣ самого богатыря потекла рѣка Дунай, изъ его жены рѣка Нѣпра (Дѣвирь). Случайно ли это приуроченіе двухъ мотивовъ къ Дунаю, или они уже стояли вмѣстѣ въ древней редакціи сказанія объ этомъ богатырѣ? Приведенныя выше сказки не даютъ матеріала для рѣшенія этого вопроса. Они представляютъ комбинаціи мотивовъ, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ мотива отравленія. Только въ русинской сказкѣ о Каролѣ замѣчается болѣе, чѣмъ одно совпаденіе.

1) Въ русской былинѣ Дунай заѣзжаетъ на кружало, гдѣ ему подають отраву въ винѣ. Въ русинской сказкѣ псоголовцы пытаются отравить Кароля 1).

2) Въ русской былинѣ двѣ рѣки Дунай и Дѣвирь потекли изъ рамя богатыря и его жены. Въ русинской сказкѣ три собаки, которымъ въ концѣ сказкѣ отрублены головы, называются именами рѣкъ: Дунай, Драва и Тиса 2).

Эпизоды съ женщиной въ былинѣ и сказкѣ не сходны. Въ былинѣ распарываніе живота у женщины, въ сказкѣ спасеніе женщины, отсуленной чертямъ. Конечно, можно придумать переходы между этими мотивами: 1) вырѣзываніе изъ утробы женщины младенца, зачатаго отъ нечистой силы; 2) распарываніе живота женщины, одержимой чертями, съ цѣлью очистить ее утробу отъ нечистаго содержанія (отъ змѣй и гадовъ) и 3) освобожденіе женщины, обреченной чертямъ. Но это только предположеніе, которое останется предположеніемъ, пока не будетъ установлена преемственная связь между тремя выставленными мотивами.

Г. Потанинъ.

1) Дунай во-время вспомнилъ слова матери, которыя предостерегали его не пить вина на кружалѣ. Каролю сдѣлала предостереженіе собака. Можетъ быть и въ трехъ собакахъ Кароля скрывались какія-нибудь родственныя ему души. Въ сказкахъ иногда несчастному герою помогаютъ, вызволяютъ его изъ бѣдственнаго положенія и даже воскрешаютъ или три собаки или три дѣвицы; въ монгольской книжной повѣсти три дѣвицы, постоянно оказывающія покровительство Гэсеру, называются его небесными сестрами.

2) Когда Кароль отрубилъ собакамъ головы, изъ нихъ вылетѣли три голубя и улетѣли на небо; изъ обезглавленнаго тѣла отшельника улетѣлъ на небо золотой голубь. Это можетъ быть видоизмѣненіе народной легенды о созвѣздіи Оріонъ, въ которомъ народное повѣрье видитъ животныхъ, поднятыхъ съ земли на небо; по монгольскому повѣрью богатырь Кобундей гнался съ двумя собаками за тремя оленями; Богъ сжалился надъ животными и всю группу оленей, собакъ и охотника поднялъ на небо; это и есть теперь созвѣздіе Оріонъ. Другая монгольская легенда, въ которой охотникъ названъ именемъ Гомбо, три оленя находятъ покровительство у отшельника, находящагося въ пещерѣ. Если три оленя Оріонъ, то въ отшельникѣ нельзя ли увидѣть неподвижно стоящую Полярную звѣзду (въ имени которой иногда встрѣчается членъ алтынь, «золотой»?)